

УДК 327.2

DOI 10.24412/3005-849X-2026-3-47-61

**АНГЛО-РУССКОЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПО АФГАНСКОМУ
ВОПРОСУ В 30-Е ГОДЫ XIX ВЕКА**

**МУХОЛИФАТИ ДИПЛОМАТИИ
АНГЛИЯ ВА РУСИЯ ОИД БА
МАСЪАЛАИ АФГОНИСТОН ДАР
СОЛҲОИ 30-УМИ АСРИ XIX**

**THE ANGLO-RUSSIAN DIPLOMATIC
STANDOFF OVER THE AFGHAN
QUESTION IN THE 1830S**

Солиходжаева Саидахон Анварходжаевна,
канд. истор. наук, доцент кафедры политологии
ТГУПБП (Худжанд, Таджикистан)

Солихоҷаева Саидахон Анвархоҷаевна,
н.и.т., дотсенти кафедраи сиёсатиносии
ДДҲБСТ (Хуҷанд, Тоҷикистан)

Solikhodzhaeva Saidakhon Anvarkhodzhaevna,
candidate in History, associate professor
of the department of political studies under
the TSULBP (Khujaand, Tajikistan)
e-mail: saidakhon_89@mail.ru

Рассматривается начальный этап «Большой игры» - геополитического соперничества между Британской и Российской империями в Центральной Азии. Период характеризуется активной экспансией Великобритании и Российской империи в этот регион, что привело к нарастанию напряженности между двумя державами. Анализируются ключевые события десятилетия, включая миссии Александра Бёрнса и Ивана Виткевича в Кабул, роль осады Герата и влияние этих факторов на принятие решения о начале Первой англо-афганской войны. Исследуются мотивы сторон: стремление России обезопасить южные рубежи и расширить торговые связи и британская политика «передовой черты», направленная на создание буферных зон. Особое внимание уделяется личностному фактору в дипломатии и анализу официальной переписки внешнеполитических ведомств двух стран. Делается упор на дипломатической борьбе за влияние в Афганистане, который рассматривался британской стороной как «ключ к Индии». Предложен вывод, что дипломатическое противостояние этого периода заложило основу для долгосрочного соперничества в регионе, определив сферы русского и британского влияния в Азии на десятилетия вперед.

Ключевые слова: «Большая игра»; афганский вопрос; англо-русские отношения; Центральная Азия; дипломатическая миссия; осада Герата; геополитика XIX века

Марҳилаи ибтидоии «Бози калон» - рақобати геосиёсии байни империяҳои Британияи Кабир ва Русия дар Осиёи Марказӣ баррасӣ шудааст. Марҳилаи мазкур бо ғасбгариҳои фаёлонаи империяҳои Британияи Кабир ва Русия дар ин минтақа тавсиф мешавад, ки боиси афзоиши танишҳои байни ду қудрат гардид. Рӯйдодҳои калидии даҳсола, аз ҷумла миссияҳои Александр Бернс ва Иван Виткевич ба Қобул, нақши муҳосираи Ҳирот ва таъсири ин омилҳо ба қарори оғози Ҷанги якуми Англия ва Афғонистон таҳлил карда мешаванд. Ангезаҳои тарафҳо таҳқиқ шудаанд: ҷидду ҷаҳди марзҳои ҷанубии худро беҳатар гардонидани Русия ва васеъ кардани робитаҳои тиҷоратӣ ва сиёсати британияи «хатти пеш», ки ба таъсири минтақаи буферӣ нигаронида шуда буд. Таваҷҷуҳи махсус ба омилҳои шахсиятӣ дар дипломатия ва таҳлили муқотибаи расмӣ байни вазоратҳои хориҷии ду кишвар равона карда шудааст. Хулоса бароварда мешавад, ки муқобилистии дипломатии ин давра заминаи рақобати дарозмуддатро дар минтақа гузошт ва соҳаҳои нуфузи британиягӣ ва русро дар Осиёи барои даҳсолаҳои оянда муайян кард.

Калидвожаҳо: Бози калон; масъалаи Афғонистон; муносибатҳои Англия ва Русия; Осиёи Марказӣ; миссияи дипломатӣ; муҳосираи Ҳирот; геосиёсати асри XIX

The article examines the initial stage of the "Great Game"—the geopolitical rivalry between the British and Russian Empires in Central Asia. This period was characterized by the active expansion of both powers into the region, which led to mounting tensions between them. The article analyzes key events of the decade, including the missions of Alexander Burnes and Ivan Vitkevich to Kabul, the role of the Siege of Herat, and the influence of these factors on the decision to launch the First Anglo-Afghan War. It examines the motives of the parties involved: Russia's desire to secure its southern borders and expand trade ties, and the British "Forward Policy" aimed at establishing buffer zones. Particular attention is paid to the personal factor in diplomacy and to an analysis of official correspondence between the two countries' foreign policy agencies. Emphasis is placed on the diplomatic struggle for influence in Afghanistan, a country viewed by the British as the "key to India." The study concludes that the diplomatic confrontation of this period laid the groundwork for long-term regional rivalry, defining the respective spheres of Russian and British influence in Asia for decades to come.

Key-words: the "Big Game"; Afghan question; Anglo-Russian relations; Central Asia; diplomatic mission; the siege of Herat; 19th century geopolitics

Введение. XIX век стал эпохой активного геополитического соперничества между Российской и Британской империями, известного как "Большая игра". Одним из ключевых театров этого противостояния стал Афганистан, чье стратегическое положение между двумя державами делало его объектом пристального внимания и борьбы за влияние. Данное исследование посвящено анализу англо-русских дипломатических взаимоотношений по афганскому вопросу в 30-е годы XIX в. – в период, когда закладывались основы для будущих конфликтов и принимались важные решения, определившие дальнейшую судьбу региона.

Краткое описание. Исследование фокусируется на дипломатических маневрах, переговорах, взаимных претензиях и попытках влияния Российской и Британской империй на политическую ситуацию в Афганистане в 30-е годы XIX в. Особое внимание уделяется роли афганских правителей и племенных объединений в этом процессе, а также формированию представлений каждой из держав о «нейтралитете» или «сфере влияния» в Афганистане.

Цель исследования. Основной целью данного исследования является выявление и анализ ключевых аспектов англо-русского дипломатического противостояния по Афганистану в 1830-е годы: определение основных причин и мотивов дипломатической активности обеих держав в отношении Афганистана в указанный период; прослеживание динамики англо-русских отношений по афганскому вопросу, выявление точек соприкосновения и противоречий; оценка степени реального влияния дипломатических усилий России и Великобритании на политическую обстановку в Афганистане.

Методы исследования. Использован комплексный историко-аналитический инструментарий, ориентированный на реконструкцию динамики межгосударственного взаимодействия в рассматриваемый период. Ключевым подходом выступает сравнительный анализ, дающий возможность верифицировать и сопоставить стратегические императивы, которыми руководствовались правящие круги Российской и Британской империй при формировании политики в Центрально-Азиатском регионе.

Анализ и описание научной литературы. Научная литература по теме «Большой игры» и англо-русского противостояния в Центральной Азии достаточно обширна. Её начальный этап также отражен в работах М.К. Рожковой, Ф.Ф. Мартенса, Х.Г. Ингла, а также во втором томе академического издания Кембриджского университета «История британской политики».

Помимо сугубо исследовательских работ, раскрыть данный вопрос позволяют также личностные свидетельства: автобиографии, путевые заметки, воспоминания и мемуары.

Значительная часть такого материала принадлежит дипломатам и военным, которые были непосредственными участниками событий, анализ которых является предметом настоящей статьи. В этой связи особую важность имеют биография Александра Осиповича Дюгамеля, воспоминания Ивана Ивановича Бларамберга, путевые заметки капитана британской армии Александра Бёрнса «Путешествие в Бухару», мемуары канцлера Австро-Венгерской империи Клеменса фон Миттерниха.

Принимая во внимание ключевую роль афганского вопроса в нашем исследовании, исключительную ценность представляет историко-биографический труд индийского путешественника, дипломата, разведчика и писателя, состоявшего на службе у От-Индской компании, Мохана Лала Кашмири «Возвышение кабульского эмира Дост-Мохаммад-хана в его политических отношениях с английским, русским и персидским правительствами».

Немалую роль при исследовании рассматриваемого вопроса играют официальная служебная переписка (отчёты, письма и докладные записки чиновников) и полуофициальные и конфиденциальные донесения в виде служебной переписки. Особняком в этом ряду стоят корреспонденция Н.В. Ханыкова, письма оренбургского генерал-губернатора В.А. Перовского, докладная записка чиновника оренбургской таможни Звенигородского и др.

Проведенный обзор литературы показывает, что 1830-е годы как отдельный период в контексте англо-русского соперничества по Афганистану изучены достаточно хорошо, однако требуется более детальный анализ дипломатических аспектов, предшествовавших крупным военным конфликтам. Большинство работ фокусируются либо на более ранних этапах, либо на последующих десятилетиях, включая Первую англо-афганскую войну (1839-1842).

Ограничения исследования. Данное исследование имеет следующие ограничения.

Временные рамки: изучение охватывает только 1830-е годы XIX века, поэтому исключает анализ в полной мере более ранних предпосылок и более поздних последствий.

Географические рамки: фокус сделан на афганском вопросе, что может не полностью отражать весь спектр англо-русского противостояния в Азии.

Россия начала проявлять интерес к Афганистану в 1830-е годы, после достижения побед в русско-персидской (1821-1828) и русско-турецкой войнах (1828-1829). В результате побед над Персией и Турцией влияние России на Ближнем Востоке быстро росло и достигло апогея. Одновременно сфера ее интересов расширилась и распространилась на большую территорию, чем раньше. В это время Ханистан (в историческом контексте «Большой игры») Афганистан часто упоминался в российских документах XIX века как страна, через которую пролегал путь в Индию. – С.С.) и начал интересовать российские правительственные круги, которые до сих пор почти полностью игнорировали его. До 1830-х годов Ханистан практически не упоминался в российской межведомственной и дипломатической переписке. «Скептицизм в отношении перспектив афганского направления был характерен не только для столичных дипломатических кругов, но и для региональной администрации. Ярким примером служит мнение чиновника Оренбургской таможни Звенигородского, который в докладе Министерству финансов подверг сомнению коммерческую значимость Кабула и Бадахшана. Позиция Звенигородского опиралась на прагматичный опыт: он фиксировал, что в сложившейся системе экономических связей Афганистан не выступал в роли самостоятельного торгового партнера, а товары из этого региона доставлялись исключительно бухарскими посредниками. Данная оценка отражает "реалистичный" подход оренбургского чиновничества, видевшего в проектах транзита через Афганистан скорее геополитическую утопию, нежели экономически целесообразный маршрут [27, л.45-46 об.].

Персия и Турция, потерпев сокрушительное поражение от России, были вынуждены пересмотреть принципы своей внешней политики и признать, что к неизбежному поражению привели прямолинейная антироссийская политика и прозападная ориентация. В то же время в Тегеране и Стамбуле росло недовольство британской политикой. На протяжении всей русско-персидской войны Британия не проявляла желания прийти на помощь Персии, которая терпела неоднократные поражения [8, с. 500-501].

В тот период в Тегеране и Стамбуле преобладали пророссийские настроения. В Персии это выразилось в весьма очевидном изменении направления ее территориальной экспансии, которая развернулась от Закавказья к Афганистану, что представляло собой открытую угрозу британским интересам. В Турции это приняло форму русско-турецкого Ункяр-Эскелесского мирного договора, подписанного в 1833 году, который узаконил российский контроль над черноморскими проливами.

В экономическом плане возросший авторитет России привел к временному установлению ее исключительного господства на североперсидском рынке [16, с. 294-295], который был издавна известен большой покупательной способностью и имел большую привлекательность для России. Активизация российского торгового капитала в северных провинциях Персии (Хорасан, Астерабад, Мазандеран) позволила оптимизировать логистику торговых путей в направлении Центральной Азии, обеспечив их относительную безопасность и сокращение транспортировки. Существенным геополитическим фактором стало закрепление статуса Каспийского бассейна как внутренней акватории Российской империи, что было юридически и фактически оформлено по итогам русско-персидского конфликта 1826–1828 годов. В данном контексте Центрально-Азиатский регион с начала XIX столетия закономерно приобрел статус приоритетного вектора в долгосрочном внешнеторговом планировании Санкт-Петербурга, трансформируясь в узловой элемент имперской стратегии.

В начале 1830-х годов Британия предприняла энергичные шаги по улучшению своего положения в упомянутом регионе. Некоторыми из важных нововведений стали: открытие в 1830 году британского консульства и британской торговой компании в Трапезунде для торговли с Персией. С тех пор торговый путь, ведущий из Западной Европы в Северную Персию через Трапезунд, Эрзерум и Курдистан, минуя Закавказье, стал очень оживленным. Только в 1830 году британские товары были перевезены по указанному маршруту в Тебриз – административный центр Персидского Азербайджана, на весьма внушительную по тем временам сумму в 500 000 фунтов стерлингов [1, с. 371].

В то время в Санкт-Петербурге недооценивали опасность британской конкуренции на североперсидском рынке. Российские правительственные круги, пребывавшие в эйфории от недавней блестящей победы, были убеждены, что позиции России на Ближнем и среднестатистическом Востоке неприступны. Выдержка из письма, написанного главой российского Министерства иностранных дел графом К.В. Нессельроде графу Симоничу, полномочному министру России в Тегеране, является типичной иллюстрацией этого ликующего и беззаботного состояния.

Беспечное настроение охватило и российских чиновников, служивших в этих азиатских регионах. Так, например, генеральный консул России в Тебризе, информируя начальство о попытках Великобритании подорвать российскую торговлю в Персидском Азербайджане, утверждал: «Позиция России на местном рынке настолько стабильна, что только от нее зависит, вмешиваться или нет и прекратить продажу английских товаров...здесь... российские товары не могут пострадать от английской конкуренции» [17, л.1-3].

Следует признать, что такая точка зрения была не просто результатом беззаботного подхода: существовала также довольно наивная надежда на то, что сейчас настало время, когда можно заставить Британию согласиться на раздел персидского национального рынка – северный персидский рынок должен был стать исключительно российским, а южноперсидский – британским. Инструкции, которые Нессельроде дал Симоничу перед его отъездом в Тегеран, были следующими: "Задача российской дипломатии в Персии состоит в том, чтобы убедить Великобританию..., что Россия не питает никаких намерений относительно рынка, завоеванного Ост-Индской компанией в Южной Персии. Россия ведет торговлю в провинциях, расположенных вдоль ее собственных границ, и поэтому не может быть столкновения между российскими и британскими интересами в Персии" [18, с. 54-56].

Быстро развивающаяся промышленность Великобритании нуждалась в новых рынках сбыта, поскольку к 1830 году Индия перестала поглощать постоянно растущий поток британских товаров. Поэтому было естественно, что руководители Ост-Индской компании обратили взоры на североперсидский рынок, а также на рынки Центральной Азии (Бухары, Хивы, Коканда, Туркмении). В 1828-1833 гг. компания направила туда три экспедиции, задачей которых было изучить поглощающую способность этих рынков и маршруты, ведущие к ним. Одна из таких экспедиций, возглавляемая лейтенантом Александром Бёрнсом, обратила особое внимание на значение Афганистана для продвижения британских товаров на рынки Северной Персии и Центральной Азии. "Афганистан, – писал Бёрнс, – расположен на великом торговом пути, по которому наши товары перемещаются во все большем объеме" [2, с. 447].

Усилия Британии увенчались успехом. Уже в 1833-1834 годах британские товары начали вытеснять российские с североперсидского рынка и занимать на нем доминирующее положение. Если в 1833 году Северная Персия поглотила российские товары на 3,3 миллиона рублей, в то время как объем британских импортных товаров был настолько незначительным, что даже не был включен в статистику за тот год, то уже в 1835 году ситуация кардинально изменилась. Товары, ввезенные из России, стоили 0,7 миллиона рублей, в то время как из Великобритании – 1,8 миллиона рублей. Эта сумма не включала стоимость товаров, которые были доставлены из Великобритании косвенно, через Лейпцигскую ярмарку. Российские хлопчатобумажные ткани были полностью вытеснены из Персии: их импорт сюда в 1833 году оценивался в 1,1 миллиона рублей, в то время как в 1834 году он сократился до 0,2 миллиона рублей [20, с. 119-120].

В Закавказье местные власти, ответственные за торговлю с Персией, срочно выразили озабоченность. В феврале 1833 года начальник Закавказского таможенного округа писал директору Департамента внешней торговли Министерства финансов Д.Г. Бибикову, что поведение англичан в Трапезунде свидетельствует о желании Британии "полностью завладеть персидским рынком". Бибиков проинформировал директора Департамента Азии Министерства иностранных дел К.К. Радофиникина и предложил, чтобы оба министерства совместно разработали способ защиты российской торговли "от этой опасной конкуренции". Радофиникин заверил Бибикова, что обратит внимание графа Нессельроде на эту проблему. Но Радофиникин, знавший наклонности начальника, по-видимому, не выполнил этого обещания, потому что Бибиков написал ему еще одно письмо на ту же тему, из содержания которого ясно, что он не получил ответа на первое. По этому поводу Радофиникин решил узнать мнение Симонича и, проинформировав его, заключил: "Нам здесь трудно поверить, что торговля, осуществляемая через турецкие территории, подверженные жадности пашей, грабегам со стороны курдов и другим подобным неприятным инцидентам, сможет составить конкуренцию с нашей собственной торговлей" [17, с. 110-113].

Ответ Симонича был неожиданным и тревожным. Он писал, что торговый путь из Трапезунда в Тебриз через Эрзерум и Курдистан был вовсе не так труден и опасен, как казалось некоторым дворянам в Санкт-Петербурге. Он также отметил, что дороговизна российских товаров в сочетании с нежеланием российских торговцев обращать внимание на местные вкусы, отсутствие в Персии представителей крупных российских торговых домов и пренебрежительное отношение российских дипломатов к торговле как раз и стали причиной разворота североперсидской торговли, которая теперь предпочитала иметь дело с Западной Европой.

В апреле 1834 года Симонич снова затронул эту тему. Он сообщил Министерству иностранных дел, что британские фирмы в Северной Персии развивают «огромную торговлю» и «угрожают уничтожить российскую торговлю». Он также выразил особую обеспокоенность в связи с возможным ввозом британских товаров в Гилян и предложил открыть там российское консульство. Продвижение Великобритании в Центральной Азии грозило вытеснить российские товары и с этого рынка. Предупреждения наиболее дальновидных государственных деятелей об этой особой опасности натолкнулись на беспечное и недальновидное отношение министерских чиновников в Санкт-Петербурге. В 1833 году оренбургский генерал-губернатор граф В. А. Перовский в депеше К. К. Радофиникину выразил серьезную обеспокоенность состоянием торгового баланса в регионе. Опираясь на донесения из Бухары, он констатировал интенсивное проникновение британских товаров на среднеазиатские рынки из Индии по ценам, в 6-9 раз превышающим российские аналоги. Перовский подчеркивал, что такая динамика ставит под угрозу позиции отечественной промышленности: при установлении стабильных торговых связей между Лондоном и ханствами спрос на российскую продукцию будет практически полностью нивелирован [28, л. 16–2].

Торговцы неизбежно должны были проезжать через Оренбург. Было нелегко пренебречь предупреждением высокопоставленного сановника графа Перовского, который был близок к императору. Вот почему Радофиникин направил письмо одновременно двум министрам – министру иностранных дел графу Нессельроде и министру финансов графу Е.Ф. Канкрину. Последний, как известно, с презрением относился ко всему, что касалось азиатской торговли. Это было продемонстрировано его надменной реакцией на жалобу купца Посылина, который жаловался на британскую конкуренцию в Персии и обратился к правительству с петицией о помощи купцам в их нелегкой борьбе за персидский рынок. Канкрин раздраженно и бесцеремонно посоветовал купцам более тщательно изучить особенности персидского рынка (что само по себе было хорошим советом) и «не беспокоить правительство своими жалобами, чтобы не ставить его иногда в неприятное положение конкуренции с соседней державой». На этот раз, хотя его реакция и не была такой беспечной, как раньше, она, тем не менее, была такой же негативной. «Нет сомнений, – ответил он, – что британцы пытаются расширить свою торговлю, чтобы достичь Центральной Азии, однако нет причин для серьезного беспокойства по поводу нашей собственной торговли». «Для британских товаров это очень долгий путь», – объяснил он. Радофиникин, полностью согласный с Канкриным, написал Перовскому собственноручное письмо, пытаясь отделаться общими фразами; информация, предоставленная Перовским, по его словам, лишь «подтвердила, что англичане неутомимы в своих интригах, направленных на распространение своей торговой мощи повсюду» [17, с.110-113].

Только в 1836 году проблема российско-азиатской торговли наконец-то стала предметом реальной озабоченности и серьезного обсуждения. Это произошло после того, как российско-среднеазиатская торговля потерпела значительный спад, поскольку британские

товары уже наводнили центральноазиатский рынок. Нессельроде пришел к выводу, что больше невозможно скрывать от императора серьезность ситуации. Было решено использовать визит бухарского посланника в Санкт-Петербург как повод для этой дискуссии. Посланник говорил, что «англичане, которые уже некоторое время пытаются установить как можно более тесные торговые отношения с Бухарой, недавно направили к ним агентов, которые снова пытаются убедить их заключить торговые соглашения с англичанами, которые дали бы им право поставлять бухарцам всевозможные товары, они нуждаются в особенно выгодных условиях» [14, с. 220].

Был и другой аспект ситуации: один из бывших шахов империи Дуррани, Шуджа эль Мульк, который был свергнут в 1815 году, жил в Индии в качестве пенсионера Ост-Индской компании. Он не оставлял надежды вернуться к власти, и его стремление было поддержано британцами [9, с.158].

В письме императору граф Перовский подчеркнул своё согласие с мнением Дост-Мухаммада, что британская угроза представляет равную опасность и для Афганистана, и для российских интересов в Центральной Азии. Перовский также добавил, что разделенный Афганистан может легко стать жертвой британцев и поэтому было бы целесообразно, даже необходимо, проследить за тем, чтобы части расчлененного Афганистана воссоединились в некогда сплоченное единство. Если бы это было не так, англичане не удовлетворились бы Афганистаном, а сделали бы все, чтобы распространить свое влияние на Бухару, «а это, - писал Перовский, - положило бы конец нашей азиатской торговле» [19, с. 97-98].

Пока афганская миссия находилась в Оренбурге, в Калькутту прибыл новый генерал-губернатор Индии, лорд Окленд. Дост-Мухаммад решил воспользоваться случаем и еще раз попытаться убедить британцев согласиться вмешаться в его конфликт с Ранджитом Сингхом и дать ему возможность вернуть Пешавар. Он написал письмо лорду Окленду 31 мая 1836 года, но ответ был отправлен только 13 августа. Окленд указал, что Британия не вмешивается в дела, касающиеся других государств. В том же письме он выразил надежду, что правитель Кабула, заботясь о благополучии своих подданных, сделает все возможное для налаживания торговых отношений между своими владениями и Великобританией. Он также сообщил ему, что готов направить британскую торговую миссию в Кабул.

Позиция лорда Окленда соответствовала инструкциям британского правительства, данным ему перед отъездом в Индию. Перед ним была поставлена задача: занять прочное положение в Афганистане и, действуя оттуда, включить Центральную Азию в сферу преобладающей британской торговли. В то же время он должен был сделать все, что в его силах, чтобы не допустить распространения российского влияния на страны, граничащие с Индией [10, с. 203].

Не дожидаясь, пока Дост-Мухаммад примет британскую миссию в Кабуле, Окленд отдал приказ о немедленном направлении туда этой миссии. Ее возглавлял Александр Бёрнс. Бёрнсу было поручено обратить особое внимание на «недавно установившиеся связи между правителями афганских княжеств и Персией», а также на отношение афганского населения к России и Великобритании. Бёрнсу также было поручено собрать «как можно больше информации» о русской торговле в этих краях и «мерах, принимаемых Россией для усиления своего влияния в Центральной Азии». Внимание Санкт-Петербурга к афганскому вектору подтверждалось регулярными дипломатическими контактами. В ходе визитов в столицу кабульский посланник Хусейн-Али неоднократно проводил переговоры с графом К.В. Нессельроде и директором Азиатского департамента К.К. Радофиникиным, что свидетельствует о стремлении империи укрепить дипломатический диалог на фоне усиления британского присутствия в регионе. Император с большим интересом следил за

ходом переговоров. Лейтенант Виткевич со своей стороны информировал графа Перовского о деятельности ханьской миссии в столице. В одном из писем императору Перовский настойчиво советовал: «Совершенно необходимо поддержать правителя Кабула. Ибо, если сикхи захватят власть в Афганистане, все наши надежды на торговые отношения с этой страной пойдут прахом. Кроме того, если британская марионетка Шоджа станет правителем Афганистана, эта страна попадет под британское влияние, и тогда британцам останется сделать всего один шаг, чтобы оказаться в Бухаре. Тогда Центральная Азия полностью окажется под британским влиянием, [наша] торговля с Азией прекратится, и британцы смогут вооружать соседние азиатские страны, а также обеспечивать их энергией, вооружением и деньгами для борьбы с Россией» [12, с.784].

На основании мнений, высказанных двумя такими экспертами в центральноазиатских делах, как граф Перовский и граф Симонич, Нессельроде рекомендовал императору направить дипломатическую миссию в Афганистан. «Независимо от того, насколько далеки от нас вышеупомянутые страны [Афганистан и Индия], – писал он, – и насколько ограничены наши знания о них, тем не менее, нельзя отрицать, что любое расширение торговых отношений выгодно» [21, с.32]. Миссию, по совету Нессельроде, должен был возглавить лейтенант Л.В. Виткевич, которого Перовский охарактеризовал как «эффективного, рассудительного, практичного и знающего... человека, который знает степь [Казахстана] и ее тонкости лучше, чем кто-либо когда-либо знал или знает в настоящее время» [26, с. 9].

В своё время он заметил и оценил Виткевича, повысил его в звании до младшего лейтенанта и сделал своим адъютантом. Виткевич был направлен Перовским в Бухару и казахскую степь, где собрал важную информацию о ситуации в Центральной Азии и Афганистане. Во время последнего визита в Бухару, куда он был направлен Перовским в 1835-1836 годах, Виткевич встретился с афганской миссией, которая направлялась в Санкт-Петербург. Он подружился с афганским послом Хусейном Али и в апреле 1836 года вернулся в Оренбург, путешествуя с афганской миссией. Его отчет о последней поездке в Бухару [5, с.5-55] был высоко оценен Перовским и послужил основой для более полного отчета, отправленного графом в Санкт-Петербург, который обсуждался 25 мая 1836 года на заседании Азиатского комитета (комитет был сформирован незадолго до этого для принятия решений по вопросам, имеющим первостепенное значение для азиатской политики России).

Протокол заседания был утвержден императором 20 июня 1836 года – впервые с момента создания Азиатского комитета. Вопреки пожеланиям и мнениям, высказанным Нессельроде, Канкриным и другими дворянами, император полностью поддержал предложение своего друга Перовского. Последний выступал за более энергичную политику в Центральной Азии, чтобы положить конец враждебной деятельности Хивы, включая даже применение силы, если это будет необходимо. Перовский, выступавший за политику, которая должна была положить конец британским интригам против России в Центральной Азии, делал это на основе наблюдений и рекомендаций Виткевича [22, с. 205-210].

Главной задачей Виткевича было всячески способствовать объединению правителей Кабула и Кандагара. Единый и сильный Афганистан рядом с Персией, которая де-факто была союзником России, самим своим существованием был бы очень полезен России. Такой Афганистан послужил бы барьером на пути продвижения Великобритании на центральноазиатский рынок. Виткевич должен был дать понять Дост-Мухаммаду и его братьям из Кандагара, что «Россия из-за большого физического расстояния между ними не может оказать им эффективной помощи, но, тем не менее, она проявляла большой интерес к их благополучию и всегда оказывала дружескую поддержку, оказывая добрые услуги

Персии». Виткевичу также сообщили, что перед поездкой в Афганистан он должен был встретиться с графом Симоничем, чтобы получить от него дополнительные инструкции. Виткевич, путешествовавший с афганской миссией, покинул Санкт-Петербург в конце апреля 1837 года. По дороге заболел афганский посол Хусейн Али, и Виткевичу пришлось оставить его в Москве. Он продолжил путь из Москвы вместе с капитаном Л.Ф. Бларамбергом, который был назначен адъютантом генерал-майора графа А.М. Симонича, российского посланника в Тегеране. С ними путешествовал человек по фамилии Львовский, выпускник Лазаревского института востоковедения, который был назначен переводчиком в русскую миссию в Персии [3, с. 86-87].

Виткевич узнал от Симонича, что в то время в Кандагаре находилась персидская миссия во главе с Камбаром Али и что переговоры о заключении кандагарско-персидского союза против Герата вот-вот должны были завершиться. Виткевичу было поручено посетить Кандагар по пути в Кабул и гарантировать союз от имени российского правительства. Он также должен был сообщить Дост-Мухаммаду, что император готов оказать ему финансовую помощь в размере двух миллионов рублей и обеспечить товарами на эквивалентную сумму, если он вступит в союз [4, с.108].

Ожидая результатов англо-ханьских переговоров, Виткевич не терял времени даром. Он отправился в Кандагар, где переговоры о кандагаро-персидском союзе близились к завершению. Его присутствие на подписании этого союза было символичным. Текст соглашения вместе с письмом Виткевича был отправлен Симоничу в Тегеран; посланник подтвердил соглашение от имени императора. Соглашение предусматривало совместные (персидско-кандагарские) военные действия против Герата с целью возвращения его под суверенитет Персии. Однако условие состояло в том, что Гератом должны были управлять правители Кандагара, которые были бы вассалами шаха. Вкладом шаха в военные действия стало обязательство по оснащению и содержанию кандагарского корпуса численностью 12 000 человек, оснащенного двадцатью четырьмя пушками [23, с.159]. Подписание этого соглашения стало серьезной неудачей для британской политики и большим личным разочарованием для Бёрнса, который приложил много усилий, чтобы предотвратить это. Он направил личное письмо правителям Кандагара, в котором предупреждал, что британское правительство решительно выступает против антигератских планов шаха и рассматривает идею союза между Кандагаром и Персией как антибританскую.

Виткевич придавал большое значение этому альянсу и видел в нем зародыш антибританской коалиции, которая включала бы весь Афганистан и Персию. Он предвидел, что к такой коалиции вскоре присоединятся и другие государства Центральной Азии (Бухара, Хива и Коканд), для которых позиция, занятая Кабулом и Тегераном, будет решающей [11]. В письме, приложенном к тексту соглашения и адресованном графу Симоничу, Виткевич писал, что реализация этого документа приведет к тому, что «британцы надолго потеряют надежду на восстановление своего влияния в этой области; в противном случае мы были бы лишены возможности продавать товары, произведенные на наших фабриках, в Центральной Азии» [24, с. 44].

Еще находясь в Кандагаре, Виткевич получил известие о безуспешных попытках Бёрнса. Генерал-губернатор лорд Окленд не согласился с его мнением и отказался поддержать притязания Дост-Мухаммада на Пешавар. Бёрнсу было приказано отклонить претензии Дост-Мухаммада и посоветовать ему довольствоваться информацией, что британские власти в Индии удерживают Ранджита Сингха от враждебных действий против Афганистана, что в противном случае могло бы стать фатальным для правителя Кабула. Бёрнсу также было поручено предупредить Дост-Мухаммада, что, если эмир продолжит

поддерживать дружественные отношения с Персией и Россией, правительство Индии открыто поддержит экспансию сикхов в Афганистан.

Вынужденный действовать в соответствии с инструкциями, полученными из Окленда, Бёрнс потребовал, чтобы Дост-Мухаммад (под угрозой прекращения переговоров) согласился на следующие условия: 1) разорвать отношения с Персией и Россией и никогда больше не принимать их представителей без санкции индийского правительства; 2) выслать из Кабула лейтенанта Виткевича и всех, кто его сопровождал; 3) отказаться от притязаний на Пешавар; 4) признать независимость Пешавара и Кандагара.

Дост-Мухаммад отверг требования британцев, проигнорировал их ультиматум и прервал переговоры с Бёрнсом. Ему было предложено отозвать членов своей делегации, доктора Лэнда и лейтенанта Вуда, из узбекских ханств к северу от Индокуша. Они находились там для сбора разведанных об этом районе, который представлял собой удобное средство сообщения со Средней Азией. В ходе миссии особое внимание уделялось оценке инфраструктурного потенциала региона, в частности пригодности транспортных артерий для переброски артиллерийских соединений. И.В. Виткевич в своих отчетах аргументированно обосновывал необходимость реформирования сложившейся модели товарообмена, настаивая на отказе от традиционной опоры на посредничество среднеазиатских купеческих групп в пользу формирования прямой торговой логистики. Россия, по его словам, будет приветствовать афганских торговцев и купечество на своих ярмарках и постарается создать для них как можно более благоприятные условия, упростив формальности в сделках между афганскими торговцами и российскими торговцами и владельцами фабрик.

Дост-Мухаммад принял предложение русского эмиссара и выразил намерение отправить своего сына Мухаммада Азим-хана в Герат для встречи с графом Симоничем, который должен был прибыть туда. Мухаммад Азим-хан должен был сообщить российскому полномочному министру о согласии отца установить постоянные дружественные отношения с Россией. Виткевич выехал из Кабула в Кандагар вместе с сыном эмира. В Кандагаре юный принц провел встречи с его дядями, в ходе которых было принято решение об объединении владений вокруг Герата. После завершения этих переговоров Мухаммад Азим-хан, его двоюродный брат Мухаммад Омар-хан (который был сыном Кохендил-хана) и Виткевич покинули Кандагар и отправились в Герат, где лагерь шаха осаждал город. Они прибыли туда 9 июня 1838 года.

Переговоры о персидско-афганском союзе уже подходили к завершающей стадии и вызвали серьезную тревогу в британских правительственных кругах. Стало очевидно, что все усилия британской дипломатии в Тегеране и Кабуле заставить шаха и Дост-Мухаммада воздержаться от враждебных действий против Великобритании потерпели фиаско. И шах, и Дост-Мухаммад чувствовали себя гораздо сильнее и увереннее при поддержке России, поскольку она через собственного посланника в Тегеране отказалась принять доктрину «ограниченного суверенитета» Афганистана, сформулированную в апреле 1836 года британским посланником в Тегеране Эллисом [21, с.1-32].

Теперь место действия было перенесено в Санкт-Петербург, где британскому послу лорду Дарему вновь было поручено встретиться с Нессельроде, чтобы выяснить, действительно ли Симонич действовал по указанию российского правительства или превысил свои полномочия. Уже в мае 1837 года К.В. Нессельроде заверил британского посла Дж. Лэма (лорда Дарема) в том, что российской миссии в Тегеране даны четкие инструкции: убедить персидского шаха отказаться от ведения военных действий при любых обстоятельствах. В ходе переговоров министр подчеркивал, что пагубное влияние

«безрассудного и недипломатичного курса» персидского монарха на российско-британские отношения было намеренно преувеличено, что позволило перевести дискуссию в конструктивное русло. Нессельроде также заверил посла, что, если факты, сообщенные Дж. Макнилом, британским посланником в Тегеране, действительно были правдивыми, тогда Симонич поступил прямо вопреки его инструкциям.

Ответ графа Нессельроде удовлетворил Пальмерстона: «Ответ графа Нессельроде на этот запрос, – писал он, – был простым, прямым и недвусмысленным...» Чтобы окончательно убедить его, Нессельроде предложил Дарему показать собственные инструкции Симоничу в качестве доказательства своих слов; Пальмерстон был полностью убежден, он верил в искренность Нессельроде и в то, что Симонич вскоре будет отозван.

Между инструкциями и действиями Симонича не было никакого противоречия, и вопрос о его отзыве из Тегерана даже не рассматривался. Дарем, веря Нессельроде, продолжал поддерживать надежду Пальмерстона на то, что Симонич вскоре будет отозван из Тегерана. В мае 1837 года он написал Пальмерстону, что Нессельроде повторил свои намеки на то, что Симонич будет отозван. Две недели спустя Нессельроде заверил Дарема, что Симонич получил приказ предложить свои добрые услуги в качестве посредника в установлении мира между Персией и Гератом. В июне 1837 года Макнил написал Пальмерстону, что он удовлетворен заверениями, полученными от Дарема. Санкт-Петербург заявил, что Симонич не поддержит Мухаммад-шаха в войне против Герата.

Симонич, следуя настоящим инструкциям Нессельроде, в то время активно готовился к встрече с Виткевичем. Но Нессельроде продолжал повторять Дарему, что у Британии нет никаких оснований подозревать враждебную деятельность России в Центральной Азии и что ей не следует беспокоиться о безопасности своих индийских владений.

В связи с этим считаем необходимым остановиться на некоторых моментах в специальной литературе, которые, по-видимому, вводят в заблуждение, касающиеся данной ситуации. Важно установить, действовали ли Симонич и Виткевич в соответствии с инструкциями, полученными из Санкт-Петербурга, или они действовали иначе и, таким образом, были виновны в непростительном нарушении субординации и служебной дисциплины. Гарольд Н. Ингл, например, был абсолютно уверен, что Симонич "проигнорировал инструкции Нессельроде и работал еще усерднее, чтобы осуществить нападение на Герат". Исследователь Р. Ингл подчеркивал, что Симонич объективно не мог соблюдать все инструкции Нессельроде, оказавшись заложником «четверного подчинения»: Генеральному штабу, оренбургскому генерал-губернатору, Азиатскому департаменту и Министерству иностранных дел. Подобная ведомственная раздробленность неизбежно приводила к противоречивости его действий в Персии [6, с. 77].

Однако эти выводы совершенно неверны. Начнем с того, что Ингл противопоставляет Азиатский департамент Министерства иностранных дел самому Министерству иностранных дел, что является необоснованным предположением. Азиатский департамент был создан для повседневной практической работы с азиатской политикой Российской империи, и его первый директор, К.К. Радофиникин, был не более чем советником министра иностранных дел графа К.В. Нессельроде. Следует отметить, что министр также не действовал самостоятельно в том, что касалось принципов, стратегических проблем и политических направлений внешней политики России. Он просто исполнял решения императора и консультировал его по вопросам внешней политики. Радофиникин и Нессельроде были всего лишь государственными чиновниками и, как таковые, «не осмеливались высказывать собственное мнение», как писал А.С. Грибоедов в известной комедии «Горе от ума». Приведенные Инглом факты, как ни странно, подтверждают не его

собственное мнение, а скорее высказанное выше. Он пишет, например, что во время встречи Дарема и Нессельроде, которая состоялась в конце февраля 1837 года, министр «предложил Дарему показать свои собственные инструкции Симоничу в качестве доказательства своих слов и пригласил его обсудить этот вопрос с Радофиникиным». Также утверждение Ингла, что «Азиатский департамент с 1819 по 1837 год часто действовал без каких-либо, кроме самых слабых, связей со своим головным учреждением, Министерством иностранных дел», и что «Радофиникин противодействовал Нессельроде, отстаивая взгляды таких людей, как Воронцов, Ермолов и Паскевич в Генеральном штабе», не подтверждается никакими фактами и, следовательно, остается не более чем предположением. Однако есть доля правды в утверждении Ингла, когда он писал, что «... приказы Генерального штаба и Министерства отражали разногласия между Ермоловым и Нессельроде, и Симонич не преминул сохранить лояльность к своим вышестоящим офицерам» [6, с.77].

Последним, но не менее важным доказательством этого был факт, что в период службы Симонича в Тегеране (1832-1838) Ермолов, который уже не служил в армии, в 1827 году был заключен в тюрьму, жил уединенно на своей земле в Тульской губернии (уезде) и больше не имел никакого отношения к проблемам внешней политики [15, с. 315]. Граф Симонич был назначен полномочным министром и чрезвычайным посланником в Тегеране по рекомендации фельдмаршала Паскевича и действовал диаметрально противоположно всему, что Нессельроде сказал лорду Дарему, и когда это было сделано, граф Симонич был назначен чрезвычайным посланником в Тегеран. Не последовало никаких шагов против Симонича, обещанных Нессельроде, и только тогда британское правительство поняло, что Нессельроде говорил лорду Дарему прямо противоположное. Весной 1838 года в письме Пальмерстона лорду Расселу было написано следующее: «Успехи шаха в Афганистане представляют опасность для нас в Индии. Шах открыто действует как инструмент России, а интриги России в Афганистане открыто направлены против Британской Индии» [13]. Терпению Британии пришел конец. В Лондоне было решено, что все дипломатические шаги, предпринятые для того, чтобы добиться изменений в желаемом направлении, больше неэффективны. В июне 1838 года британская военно-морская эскадра с бригадой морских пехотинцев на борту вошла в Персидский залив и начала высадку в районе Башира. После этого британский министр Джон Макнил объявил, что его правительство разорвало отношения с Персией, и покинул лагерь шаха под Гератом.

Разразившийся политический скандал, тем не менее, был в значительной степени улажен. Карьера Нессельроде не пострадала, и он оставался министром иностранных дел до конца правления императора Николая I. Козлом отпущения сделали Симонича. Его обвинили в превышении полномочий и отозвали из Тегерана. Россия не призывала персидского шаха напасть на Герат, а пыталась найти компромисс между персами и афганцами. Более того, Россия была готова открыть всю Центральную Азию для торговли с европейскими державами, поскольку там были возможности для всех. Россия стремилась к торговым отношениям с афганцами, но это было допустимо. Нессельроде, в свою очередь, выразил недовольство многочисленными британскими агентами, пытающимися подстрекать население Центральной Азии вблизи российской границы. Англия, как и Россия, должна была стремиться к миру в сердце Азии и стараться избежать всеобщего взрыва [7, с.75-76].

Шаху посоветовали снять осаду Герата; этот «совет» был принят и осуществлен. Однако несколько небольших крепостей к западу от Герата, которые были заняты персами, остались в их руках для будущих переговоров. Новый российский посланник в Тегеране А.О. Дюгамель сообщил шаху, правителям Кандагара и Дост-Мухаммаду, что Симонич не

обладает полномочиями по утверждению персидско-кандагарского пакта от имени императора. Он отозвал Виткевича из Афганистана [25, с.55-56].

В заключение отметим, что этот дипломатический шаг российского правительства не имел достаточной экономической поддержки и сильное давление Великобритании на Россию принесло свои плоды. Провал миссии Виткевича стал ударом по интересам Афганистана. Кабул оказался в изоляции в борьбе с британским натиском и в конце концов был вынужден согласиться на дипломатическую изоляцию, к которой его стремились принудить британцы. Когда два десятилетия спустя Санкт-Петербург попытался возобновить прерванные контакты, он столкнулся с понятным нежеланием эмира принимать российских эмиссаров.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Портфель, или Собрание государственных бумаг [The Portfolio; or, A Collection of State Papers]. — Т. V. — Лондон, 1836. — С. 371.
2. Бёрнс А. Путешествие в Бухару: в 3 ч. Ч. 3. — Москва: Университетская типография, 1850. — 628 с.
3. Бларамберг И. Воспоминания / Пер. с нем. О.И. Жигалиной и Э.Ф. Шмидта. Вступ. статья Н.А. Халфина. — Москва: Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1978. — 131 с.
4. Дюгамель А.О. Автобиография / «Русский архив»: Ист.-лит. сб.: Изд. при Чертков. б-ке. — Москва, 1863-1917, том II, 1885. — 176 с.
5. Записка, составленная по рассказам Оренбургского линейного батальона № 10 прапорщика Виткевича, относящимся к его пути в Бухару и обратно В.И. Далтма. Хранитель 11 ЦГВИА, Я. 67 А.Л. Данзас, д. 103, 11. 5-55.
6. Ингл Х.Л. Нессельроде и сближение России с Великобританией, 1836-1844. — Беркли, Лос-Анджелес и Лондон: Издательство Калифорнийского университета, 1976. — 352 с.
7. Мартенс Ф.Ф. Возвращение к традициям конвенций // США в России и за ее пределами. XI (Санкт-Петербург: типография Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1874-1909. — 1898. — 504 с.
8. Меттерних К. Мемуары — Париж: Сыновья С. Скрибнера, 1881, том IV — 640 с.
9. Мохан Лал. Возвышение кабульского эмира Дост-Мохаммад-хана в его политических отношениях с английским, русским и персидским правительствами. Том 1. — Лондон: Manohar Books, 1846. — 446 с.
10. История британской политики, 1783-1922, том II. — Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1923. — 648 с.
11. Переписка, относящаяся к Персии и Афганистан. — Лондон, 1839. — С. 396-397.
12. Посланцы из Афганистана в Россию в 1833-1836 гг. // Русская старина. — 1880. — № 7-8. — С. 784.
13. Correspondence relating to Persia and Affghanistan. — London: Printed by J. Harrison and Son, 1839. — 524 p.
14. Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века. — Москва: Изд-во АН СССР, 1949. — 390 с.
15. Советская военная энциклопедия. Том 3. — Москва: Воениздат, 1977. — 672 с.
16. Архив внешней политики России (АВПР). Санкт-Петербург, вторая главная статья: (СПб.), соч. 11-3, 1831 год, д. 8, л. 13; А. Конноли, в 7719 году на севере Индии через Россию, Персию и Афганистан (Лондон, 1838), том I, стр. 294-295.
17. АВПР, ф. СПб., II-3, 1831, г., т. 8, с. 1-13.
18. АВПР, ф. СПб., № 1-1, 1832 г., д. 74, II. 54-56.

19. АВПР, ф. СПб., гл. Архив 1-1, 1836 г., д. 76, л. 97-98.
20. АВПР, ф. СПб., П-3, 1831 г., д. 8, 11, 12, 13, 99, 102, 148; 1839 г., д. 2, л. 1.- с. 189-190; СПб., 1-9, 1834 г., лл. 119-120.
21. АВПР, ф. СПб., гл. Архив 1-1, 1836 г., д. 75, л. 1. 32.
22. АВПР., ф. СПб., кл. Архив 1-1, 1835 г., д. 492, 11. с. 205-210]. Азиатский комитет, 25 октября 1835 г.
23. АВПР, ф. СПб., гл. Архив 1-9, 1858 г., д. 25, л. 159. Н.В. Ханыков директору Азиатского департамента Министерства иностранных дел Е.П. Ковалевскому из Герата, 23 сентября 1858 г.
24. АВПР, ф. СПб., гл. Архив 1-9, 1837 г., д. 18, л. 44.
25. АВПР, СПб., ГИ. Архив, л-9, 1839 г., д. 20, 11. 55-56.
26. Государственный архив Оренбургской области, ф. 6, оп. 7, д. 738, л. 9 (Цитируется по Н.А. Халфину. Россия и государства Средней Азии (Первая половина XIX века). – Москва, 1974. с. 248.
27. ГАОО (Государственный архив Оренбургской области). Ф. 6. Докладная записка чиновника Оренбургской таможни Звенигородского в Министерство финансов о перспективах торговли с Афганистаном. Оп. 1. Д. 142. Л. 45–46 об.
28. РГВИА. Ф. 400. Письмо оренбургского генерал-губернатора В. А. Перовского директору Азиатского департамента МИД России К.К. Радофиникину от 17 августа 1833 г. Оп. 1. Д. 930. Л. 16–2.

REFERENCES

1. The Portfolio; or, A Collection of State Papers. Vol. V. London, 1836, PP. 371.
2. Burns, A. Travels into Bokhara: In Three Parts. Part III. Moscow: University Press, 1850. 628 pp.
3. Blaramberg, I. Memoirs. Translated from German by O. I. Zhigalina and E. F. Schmidt. Introductory article by N. A. Khalfin. Moscow: Main Editorial Board of Oriental Literature, Nauka Publishers, 1978. 131 pp.
4. Duhamel, A. O. Autobiography. In: Russkii Arkhiv: Historical and Literary Collection, published at the Chertkov Library. Moscow, 1863–1917, Vol. II, 1885. 176 pp.
5. A Note Compiled from the Accounts of Ensign Vitkevich of the Orenburg Line Battalion No. 10 Concerning His Journey to and from Bukhara, by V. I. Daltma. Custodian: Central State Military Historical Archive (TsGVIA), Ya. 67 A. L. Danzas, File 103, fols. 5–55.
6. Ingle, H. L. Nesselrode and the Rapprochement between Russia and Great Britain, 1836–1844. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press, 1976. 352 pp.
7. Martens, F. F. A Return to the Traditions of Conventions. In: The United States in Russia and Beyond, Vol. XI. St. Petersburg: Printing House of the Ministry of Railways (A. Benke), 1874–1909, 1898. 504 pp.
8. Metternich, K. Memoirs. Paris: Charles Scribner's Sons, 1881, Vol. IV. 640 pp.
9. Mohan Lal. The Rise of the Kabul Amir Dost Muhammad Khan in His Political Relations with the English, Russian, and Persian Governments. Vol. I. London: Manohar Books, 1846. 446 pp.
10. A History of British Policy, 1783–1922. Vol. II. Cambridge: Cambridge University Press, 1923. 648 pp.
11. Correspondence Relating to Persia and Afghanistan. London, 1839, PP. 396–397.
12. Envoys from Afghanistan to Russia in 1833–1836. Russkaya Starina, 1880, No. 7–8, PP. 784.
13. Correspondence Relating to Persia and Affghanistan. London: Printed by J. Harrison and Son, 1839. 524 pp.

14. Rozhkova, M. K. *The Economic Policy of the Tsarist Government in the Middle East in the Second Quarter of the Nineteenth Century*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Press, 1949. 390 pp.
15. *Soviet Military Encyclopedia*. Vol. 3. Moscow: Voenizdat, 1977. 672 pp.
16. *Archive of the Foreign Policy of Russia (AVPR)*. St. Petersburg, Second Main Archive: St. Petersburg (SPb.), Collection 11-3, 1831, File 8, fol. 13; A. Conolly, *Journey to the North of India through Russia, Persia, and Afghanistan* (London, 1838), Vol. I, PP. 294–295.
17. *Archive of the Foreign Policy of Russia*, St. Petersburg Collection, Main Archive I-3, 1831, Vol. 8, PP. 1–13.
18. *Archive of the Foreign Policy of Russia*, St. Petersburg Collection, Main Archive I-1, 1832, File 74, fols. 54–56.
19. *Archive of the Foreign Policy of Russia*, St. Petersburg Collection, Main Archive I-1, 1836, File 76, fols. 97–98.
20. *Archive of the Foreign Policy of Russia*, St. Petersburg Collection, Main Archive I-3, 1831, Files 8, 11, 12, 13, 99, 102, 148; 1839, File 2, fol. 1, pp. 189–190; St. Petersburg, Main Archive I-9, 1834, fols. 119–120.
21. *Archive of the Foreign Policy of Russia*, St. Petersburg Collection, Main Archive I-1, 1836, File 75, fol. 32.
22. *Archive of the Foreign Policy of Russia*, St. Petersburg Collection, Main Archive I-1, 1835, File 492, fols. 205–210. Asian Committee, October 25, 1835.
23. *Archive of the Foreign Policy of Russia*, St. Petersburg Collection, Main Archive I-9, 1858, File 25, fol. 159. N. V. Khanykov to E. P. Kovalevsky, Director of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs, from Herat, September 23, 1858.
24. *Archive of the Foreign Policy of Russia*, St. Petersburg Collection, Main Archive I-9, 1837, File 18, fol. 44.
25. *Archive of the Foreign Policy of Russia*, St. Petersburg Collection, Main Archive I-9, 1839, File 20, fols. 55–56.
26. *State Archive of the Orenburg Region*, Collection 6, Inventory 7, File 738, fol. 9. Cited from N. A. Khalfin, *Russia and the States of Central Asia (First Half of the Nineteenth Century)*. Moscow, 1974, PP. 248.
27. *State Archive of the Orenburg Region*, Collection 6. Memorandum by Zvenigorodsky, an official of the Orenburg Customs Office, to the Ministry of Finance concerning the prospects for trade with Afghanistan. Inventory 1, File 142, fols. 45–46 verso.
28. *Russian State Military Historical Archive*, Collection 400. Letter from V. A. Perovsky, Governor-General of Orenburg, to K. K. Rodofinikin, Director of the Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, dated August 17, 1833. Inventory 1, File 930, fols. 1b–2.